

● ● ●
Так выходишь на улицу, словно простой человек,
и немеет во рту алфавит, как зима онемела.
Говорить просто не о чем. Падают. Падают снег.
И не хочется ставить слова, заполняя пробелы.
Закрываю глаза и губами ищу кислород,
удаляю из памяти даты, события, лица.
Там за окнами много людей, там людской огород:
кто сорняк, кто укроп, кто волшебный цветок, кто убийца...
Так кончается день, полный всякой пустой чепухи,
задыхаются буквы и тут, твоя «песенка спета».
Я люблю наблюдать, как беспомощно гибнут стихи,
не хочу ни о чём говорить, да и незачем это.

Ноябрь

Вот как-то так, из маленького слова
рождаются стихи, совсем как люди.
Ржавеет лес, над ним луны подкова
и столько звёзд, что их считать не будем.
Мой страшный сон — нашествие глаголов
без падежей, без точек с запятыми,
пока с востока полчищем монголов
шагает ночь по облакам пустыни.
Как в ноябре, забыл, числа какого,
родился я, крича на всю палату, —
возникнет звук, от слова будет слово,
родится стих без имени и даты.
Наступит день и никого не спросит,
пожар звезды окно моё согреет,
но вдруг прочтёшь стихотворений осень,
а в них — дожди то ямбом, то хореем.

Октябрьский отрывок

Осенним хламом старый парк пропах,
лежит в ногах, как тело нелюбимой,
а люди, словно слухи, ходят мимо,
и слово замерзает на губах,
что в обществе не всяком допустимо.

Октябрь сегодня, бархатный сезон,
искрит листва и холодно, и дымно,
зима близка, её повсюду видно,
а день летит, как юность или сон,
и мне то цукербергерно, то крымно.

Девятое мая

Зачем мы проводим парады
и память храним о войне?
Об этом со мною не надо,
не надо об этом при мне.

Они говорят, что все беды
в чинах, посылавших войска.
Они говорят, что победы
цена чересчур высока.

Они говорят: посмотрите,
могли бы отдать Ленинград,
Париж пощадил победитель,
а мы не жалели солдат.

У нас территорий немало —
куда нам так много земли?
Могли отступить до Урала...
Могли бы... Могли бы... Могли...

Но где бы и кем бы вы были,
а может, и вовсе без вас
на свете другие бы жили
в другом государстве сейчас?

Представьте, что сдали друг друга,
врага о пощаде моля.
Представьте, что нет Петербурга,
кресты вместо звёзд у Кремля.

Представили? Я не могу так,
сжимается сердце внутри.
Зачем... Для чего... Почему-то...
Не надо при мне говорить.

Не надо об этом, про это
не дуйте протяжно в дуду.
Я тут, потому что Победа
была в сорок пятом году.

хорошо жить у моря если оно не Балтийское
на краю континента в южных краях
пить тропические коктейли рисовать на песке
заглядываться на мулаток и мечтать о тени
где небо весь год синее а не серое
и дождь только по праздникам словно подарок
ценил бы я это родившись ближе к экватору
где-нибудь на берегу тёплого океана
если хорошо притвориться и немножко выпить
то кажется всё не таким уж печальным
так прекрасен рассвет в тишине ленинградских болот
так уютен закат на блюдечке Финского залива
так радостны люди в утренний час пик

Холодно в нашей провинции, с плюса на минус
падают градусы, ветры то тихо, то хором,
облако дождь бесконечно спускает на город.
Брошу подругу, как НАТО беспомощный Вильнюс.
Сколько себе обещал переехать отсюда
в домик у моря с бесплатным вай-фаем соседским,
где по утрам от похмелья, как вымысел детский,
местность похожа на тушу большого верблюда;
пальмы и ветер, что южный, что северный, тёплый,
трудно дышать от жары и совсем не до пляжа.
Знаю, не нам делать выбор участка, где ляжем,
чьи соберутся у гробика грустные воблы.
Лето. Балтийское море селёдочным блеском
радует глаз, висят бесполезные чайки.
Дома под утро снимаешь китайские «найки»,
сном забываешься мерзким.

Месяца жёлтый кусок,
звёзд синяки-огоньки.
Спрятались в чёрный мешок
грязных домов сапоги.
Если случится рассвет,
вдруг загорятся дома:
окон безлюдный скелет,
спальных районов тюрма.
Люди очнутся от снов,
сплетнями вдаль разойдьясь;
стрелки старинных часов
делят арабскую вязь.
Господи Боже! Храни
всех потерявшихся тут—
в спальных районах страны,
где они так и умрут...

Говорил реке и сжимал в ладони:
ты откуда, река? кто в тебе утонет?
Говорил реке: не молчи, река.
Но текла река, что в строфе строка.

И я плыл по ней от истока к устью,
говорил реке: отчего так пусто?
у каких берегов остановишь бег?
Но молчала река и глотала снег.

Среди ежедневного хлама
и жизненных передряг
под байки Омара Хайяма
в быту умирает варяг.
Себя узнаёшь по поступкам,
в накопленном впрок барахле,
по задранным некогда юбкам,
по истине в крепком бухле.
Так крутится наша планета,
судьба выдаёт виражи,
а время летит, что ракета,
в которой ты лишь пассажир.
Года коротки, что реклама,
а мы в ней играем бродяг,
среди ежедневного спама
и жизненных передряг.

Русское поле

Тут можно рубли не менять,
не прятать во рту глагол.
Мы будем за них умирать—
поля, где бывал монгол.
Ты Бога в ночи попроси:
пусть Он не забудет про нас
в бескрайних просторах Руси,
где чёрное небо и квас.
Мы веруем в чудо всерьёз,
своих избираем вождей.
Нас кутают зимний мороз
и летняя зелень полей.
Берёзовой зебры стада
стоят через ямы дорог,
их давят вокруг города
подошвы бетонных сапог.
Вот милая Родина—дом,
вот церковь моя, а вот крест.
Сыграй мне сегодня о том...
Сыграй мне, военный оркестр.

● ● ●
Расскажи о себе, всем так важно чего-нибудь знать.
Расскажи о делах, сколько впрок накопил ерунды.
На висках седина, «что там ждёт» вопросительный знак,
и до пенсии дальше ты, чем космонавт до звезды.
Расскажи свои планы подробно—порадуй людей.
Расскажи про холодную зиму и медный грош,
что плей-лист не менялся годами, как лица вождей,
что грустишь о былом (вот сейчас ты, наверное, врешь).
И, казалось, родился с одной, умираешь с другой—
всё по плану, ты знаешь манёвры, ходы наперёд,
но посмотришь назад—а эпоха, идя стороною,
завернёт в шаурму и сожрёт.

Если мне наливают до края—то выпью до дна,
тут так принято, можно не брать никого на понт.
Это лето, когда так прекрасно смотреть из окна
на мой двор, с Горбачёва не знавший ремонт.

2020

1.

Мы вчера обещали друг другу и каждый себе,
что отныне всё будет красиво, как в песнях «Любэ».
И не важно, где Белое море, Камчатка и Крым,
мы терпели и пели не в такт с «Огоньком голубым».
Мы отважно шагали по лужам, искали сугроб,
мы до драки боролись за тосты и пили взахлёб.
Потому что отсутствовал снег и скольжение льда,
Дед Мороз прилетел, но не смог улететь никуда.
Веселился народ, а наутро был в горле цемент,
и не помнил никто, что же там говорил президент.
Я в монгольской степи добывал для тебя ярлыки,
и товарных прилавков хрустели везде позвонки.
Был дождливым январь, что, казалось, какой-нибудь Ной
строит плот из сибирских лесов вперемешку с золой.
Из бойниц балаклавы, с прищуром короткого дня,
Новый год, оливье доедая, смотрел на меня.

2.

Допивая из последнего стакана,
мы гадали на январскую жару,
в чём отличие Ирака от Ирана,
и жалели австралийских кенгуру.
Недоеденными гнили мандарины,
а в карманах—предпоследние рубли,
мы неделю проводили так едино,
как до этого не каждый день могли.
Не хотелось возвращаться из запоя
с потолстевшим послепраздничным лицом
в государство с политическим застоєм,
без тарелок с оливье и холодцом.
Поприветствовав две тысячи двадцатый,
похмелившись наспех кофе и водой,
на работу хмуро шло по банкам смятым
мясо пушечное Третьей мировой.